

ПЧЕЛИНЫЙ РОЙ

Кто прожилъ на свѣтѣ около полувѣка и пошатался по разнымъ угламъ Руси, или служилъ тутъ и тамъ въ различныхъ вѣдомствахъ и званіяхъ, у того, если разобрать дѣло хорошенько, едва-ли не во всякомъ порядочномъ городѣ найдется какой-нибудь старый товарищъ, пріятель или сослуживецъ. Проѣзжая, по случаю, тысячу-другую верстъ, довольно-пріятно завернуть тутъ и тамъ на отдыхъ къ добруму человѣку, если только посѣщенія эти таковы, что они не требуютъ слишкомъ затѣйливыхъ, для дорожнаго человѣка, окличностей. По этой причинѣ, если я проѣзжаю городъ, гдѣ у меня два старые знакомые, одинаково близкіе или далекіе, но одинъ, изъ нихъ предсѣдатель, а другой уѣздный судья, то я всегда заверну къ послѣднему. Я знаю, что мнѣ у него будетъ спокойнѣе: онъ меня не станетъ выкуривать изъ дома званымъ обѣдомъ, и даже не

заставить доставать изъ чемодана вицмундиръ и фракъ.

Такимъ-то образомъ я заѣхалъ однажды къ старому сослуживцу, котораго не видаль много лѣтъ. Онъ не былъ даже и уѣзднымъ судьей, а жилъ на родинѣ своей маленькою пенсіей и мелкимъ хозяйствомъ, пускаясь иногда, отъ скуки, въ кой-какіе мелочные предпріятія и обороты. Послѣ разспросовъ о его житьѣ-бытьѣ, а также о бытѣ жителей этого города, мы пообѣдали, отдохнули и поѣхали по городу. Пѣшкомъ тамъ никто не ходить: непроходимая грязь, по веснамъ и осенямъ, заставляетъ всякаго держать дешевенькихъ лошадей на дешевомъ корму; а коли держать и кормить ихъ, такъ не стоять же имъ безъ работы и въ ведро: вотъ онѣ и возять воду, возять и воеводу.

— Вотъ это домъ нашего банкира, сказалъ онъ, указывая на право: — откупщика, который поселился тутъ же на другое четырехлѣтіе, удержавъ за собою откупъ. Онъ вновь отдалъ купленный имъ для себя и для конторы домъ и выстроилъ подвалы; онъ убилъ на это

тысячъ двадцать, да, говорятьъ, выручилъ все въ одинъ откупъ; поэтому онъ и не дорожить домомъ этимъ, и если не удержить опять за собой откупа, то бросить его, или отдастъ за бесцѣнокъ. Постройки этого рода не красятъ города: все на живую нитку, кой-какъ, грубо, топорно, безобразно, а денегъ убито много. Вотъ эта улица вся застроена мѣщанами, которые у насъ живутъ бѣднѣе мужиковъ, и живутъ Богъ-вѣсть какъ и чѣмъ: это никому невѣдомо. Такъ и домишкы ихъ, какъ видите, построены неизвѣстно изъ чего: грошевые.

— А вотъ этотъ хорошенъкій домикъ, спросилъ я: — съ зеленымъ палисадничкомъ, вѣроятно помѣщичій?

— Нѣть, отвѣчалъ провожатый мой, у насъ помѣщики не строятъ домовъ: они не любятъ постоевъ. Да, еслибы помѣщики стали строиться здѣсь, и проживать еще тутъ зиму — о, тогда бы городишко нашъ поправился.

— Вотъ, продолжалъ онъ, указывая на низенькій домишко плохой и самой ветхой наружности: — вотъ, на-примѣръ, домъ

помѣщицы, которому не пожилось, видно, на этомъ свѣтѣ! Въ этомъ домѣ жиль коротко—знакомый мнѣ человѣкъ, нѣкогда — давно уже, товарищъ мой и однокашникъ, нѣкогда очень порядочный, хоть и не мудрый, но добрый, благородный, не глупый — да женитьба погубила его, и онъ погибъ ни за грошь! Вотъ съ недѣлю только, какъ мы его похоронили.

— Проѣзжай къ новому дому покойнаго Марка Павлыча, продолжалъ хозяинъ мой, обратившись къ кучеру: — вотъ я вамъ покажу и такъ—называемый новый домъ этого бѣдняка, а когда пріѣдемъ домой, разскажу его похожденія. Не съумѣю я разсказать все это такъ, какъ понимаю и чувствую; и смѣшно и очень—глупо — а между—тѣмъ покойничку было дѣваться некуда, и жаль его было такъ, что, право, ину—пору радъ бы заплакать.

— Вотъ и новый домъ его: онъ выстроенъ лѣтъ тому пятнадцать, но въ немъ никто не живеть и не жиль; онъ даже не совсѣмъ отданъ, какъ видите: а двери и ставни заколочены на—глухо. Да, судьба этого человѣка была безтолкова. Смотрите:

крыша со двора уже разсыпается, внутри, вѣрно, давно повсюду течеть — скоро и тутъ на воротахъ напишутъ годъ сломки — а еще никто въ немъ и не жиль! Чинить его некому: хозяинъ въ могилу — а домъ его разсыплется на мѣстѣ!

Когда мы пріѣхали домой и сѣли вечеромъ къ чаю, то я напомнилъ своему хозяину обѣщаніе его разсказать о житьѣ—бытьѣ покойнаго Марка Павловича. Покачавъ головой и разгладивъ рукой волосы, онъ началъ такъ:

— Да, быль онъ человѣкъ, какъ человѣкъ, а сдѣлали изъ него горемыку... Маркъ Павлычъ быль когда—то лихимъ уланомъ, и на этомъ, какъ у всѣхъ у нашей брати въ ту пору, стояла вся его надежда: повыгоднѣе жениться, пользуясь молодостью, молодечествомъ своимъ и мундиромъ, чтобы въ зрѣлые лѣта, или хоть подъ старость, имѣть свой уголокъ и пристанище — вотъ блаженныя надежды благоразумной молодёжи того времени; а отъявленные хваты заботились только о томъ, какъ бы прокутить и свое и чужое. Маркъ Павлычъ быль человѣкъ скромный,

хоть и уланъ, и года три уже какъ бредиль невѣстами. Семейный кровъ манилъ его подъ стреху свою, къ хозяйственному очагу, въ объятія молодой жены и милыхъ дѣтокъ. Гдѣ только, бывало, услышитъ про невѣсту, не только увидить ее, то ужъ и готовъ хоть сейчасъ къ вѣнцу съ нею, и побаивается только того, что—де пойдетъ ли она за него, да не обманулъ бы тестюшка приданымъ, какъ было много примѣровъ передъ глазами, да не перехватиль бы ея кто другой... Что будешь дѣлать! такая слабость постигла человѣка! а все по добрымъ чувствамъ: по склонности къ спокойной семейной жизни.

Вотъ и пришлось намъ постоять зиму съ полкомъ въ этомъ городишкѣ: онъ—то, правда, Маркъ Павлычъ, стоялъ съ эскадрономъ своимъ въ Голопятовѣ, да я упросилъ полковника поставить меня сюда, потому—что это, какъ вы знаете, моя родина. Вотъ, Маркъ Павлычъ бѣдный, на поискѣ невѣстъ, и заѣзжалъ—было ко мнѣ частенько, то душу отвести послѣ неудачи, то посовѣтоваться, то что. Здѣсь же въ то время жила — да и теперь, правда, еще

живеть, господь съ нею — вдова, шляхтянка, дворянка, помѣщица безъ помѣстя, но съ дочерью. Чѣмъ и какъ онъ жили и живутъ — Богъ ихъ знаетъ, этого никто не разбереть; домишко ихъ вы видѣли, тотъ самый, который разваливается и уже лѣтъ десятокъ запрещено чинить; есть какой-то садишко и огородишко, семья людей, но ни ремесла, ни промысла — дворянка, да и полно. Говорили, что водятся у нея подъ спудомъ небольшія деньжонки, а гдѣ онъ и сколько ихъ, никто не зналъ. Дочь, ужъ именно ни съ рожи, ни съ кожи; но кого Богъ захочетъ наказать, на того нашлеть слѣпоту. Ротмистръ мой до того плѣнился сельскимъ одиночествомъ этой вдовы и щедроватыми щеками дочки ея, что избушка ихъ показалась ему волшебнымъ замкомъ, неуклюжая Маша царевной Милонѣгой, а тысяча рублей, которыя обѣщала — будь она проклята — сваха, мильйономъ. Человѣкъ одурѣль и сталъ свататься. Такъ судьба въ петлю и потянула.

«Надо сказать вамъ, что за взбалмошная баба эта Крюкина, мать хваленой невѣсты: вѣдь ужь конечно, она и во снѣ не видала такого зятя, молодца, улана, старого ротмистра; притомъ и Маша ея заневѣстилась ужь не первый годъ: можно было подумать о томъ, чтобы отдать ее, коли кто охотникъ найдется; что жь вы думаете? сама съ сосѣдями обѣ одномъ только толкуетъ, что вотъ-де, дочь подросла, пора отдавать замужъ, а гдѣ нынѣ взять хорошаго человѣка? А какъ только Маркъ Павлычъ посватался, такъ она въ слезы — о чёмъ? да не знаетъ какъ быть, жаль дочери, дѣло новое, она еще замужъ не выхаживала, такъ и подумать страшно. А мой бѣднякъ пуще на дыбы: день-за-день посылаеть сваху — кончай дѣло, да и полно. Повѣрите ли, какія есть бабы на свѣтѣ! Вѣдь какъ завязалось это дѣло, да бѣднякъ Маркъ присталь къ Крюкиной со свахами своими, а та не даетъ ни отвѣту, ни привѣту — такъ вѣдь, бывало, тревогу на весь городишко подымутъ: Крюкина выйдеть на улицу, въ палисадникъ, да реветь и причитаетъ

голосомъ, что народъ отовсюду сбѣгается; дочь стоить въ одномъ окнѣ, закрывается занавѣской и тожь голосомъ плачетъ, сваха лежить въ другомъ окнѣ, причитаетъ да уговариваетъ; а женихъ—то — царство ему небесное! прохаживается по улицѣ, за угломъ, да ждеть отвѣта!

«Ну, такъ—сякъ, сладилось дѣло, обвѣнчались. Крюкина и въ церкви выла, и дома выла, и причитала, таки вотъ ровно Машу свою въ гробъ укладывала. Тысячи рублей приданаго онъ, разумѣется, и не видаль, а взяли его въ домъ и въ опеку, заставили вставать и ложиться по командѣ, а со двора ходить, такъ спрашиваться. Вскорѣ ему до того стыдно стало товарищѣй своихъ, что запустилъ онъ службу и никому почти не показывался на глаза. Пришло время полку выступать, мой бѣднякъ Маркъ обрадовался этому, какъ царству небесному — анъ не тутъ—то было: въ домѣ подняли такой содомъ, что хоть святыихъ вонъ понеси: бить не бьють, да и прочь не йдуть. Я молчалъ долго, не мѣшался въ это дѣло, да, наконецъ, не подъ силу стало терпѣть: вотъ, будто чуяло

въщее, что быть бѣдѣ — а жаль бѣдняка. «Маркъ!» сказалъ я: «послушайся старого друга: плюнь имъ на порогъ, брось все, да иди съ полкомъ!» Онъ промолчалъ, повѣсиль голову, а тамъ, слышу, заставили его сказаться больнымъ да подать въ отставку. Какъ услышалъ я это, такъ и подумалъ: конечно, уходили молодца; прощай, Маркъ Павлычъ!

«Мы ушли съ полкомъ, но я воротился сюда, на родину, лѣтъ черезъ десять, раненый, съ небольшою пенсіей. Первымъ дѣломъ было навѣстить старого товарища; спрашиваю напередъ: «живъ ли?» — Живъ, говорять.

«Пришелъ я, остановился въ дверяхъ, да, глядя на старого товарища, прослезился. Вошла теща, напустилась на него, зачѣмъ—де онъ въ халатѣ принимаетъ гостей, не знаетъ никакого обхожденія, стыдить ее при чужихъ людяхъ, и прочее, да какъ пошла писать, такъ и расплакалась объ этомъ, что не уймешь. Погоревавъ, велѣла она дочери подать мужу сюртукъ и приказала застегнуть его на всѣ пуговицы, потому—что Маркъ Павлычъ кашлялъ, а

она его таки поберегала — видно, думала еще, что онъ впередъ пригодится. Я молчу, смотрю, что еще будетъ. Двое дѣтей тогда только смѣли подходить къ отцу, когда бабушка была имъ довольна, когда онъ вель себя хорошо; а нѣть, такъ дѣтей выгоняли, объявляя имъ съ плачемъ и рыданіемъ, что папенька ихъ мерзавецъ и чтобъ они его не знали. Жена, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, объявляла Марку Павлычу вслухъ, что она знаетъ мать свою, а его знать не想要, за что мать каждый разъ обнимала ее со слезами, прибавляя еще, что онъ занапастилъ жизнь ея. А такъ-какъ бѣдный Маркъ Павлычъ въ подобныхъ случаяхъ, вздохнувъ, прибѣгалъ къ единственной утѣшительницѣ своей, трубкѣ, которую набивалъ и сосаль молча, повѣсивъ носъ, то заведено было подымать ревъ и плачь въ домѣ, изрыгая проклятия на эту трубку, которая дѣлаетъ Марка Павлыча нечувствительнымъ и равнодушнымъ ко всѣмъ страданіямъ его семейства; и, наконецъ, дочь, по приказанію вопящей матери, не разъ отбирала это зловредное орудіе у мужа,

сдавала его матери подъ часы, и несчастный скучалъ и томился безъ трубки по цѣлымъ днямъ, до благодатной мировой съ женой и тещей, причемъ никогда не зналъ, за чтоссорились съ нимъ и за что мирились. Какъ бы то ни было, но теща скоро смекнула, что бѣдный Маркъ Павлычъ безъ трубки не могъ прожить сутокъ, что онъ дѣлался подъ страхомъ того наказанія плаксивымъ и малодушнымъ и мирился, подписывая безотговорочно всѣ условія, хоть бы его заставили наложить на себя—самого руку. И этимъ—то средствомъ она и пользовалась, вмѣстѣ съ дочерью, подчинивъ себѣ несчастнаго Марка Павлыча.

«Вотъ въ какомъ положеніи нашель я своего бѣдовика. Вы поймете, что намъ съ нимъ не приходилось часто видѣться, особенно же я посѣщалъ его рѣдко. Жаль мнѣ было его, какъ брата, да пособить было ничѣмъ: самъ себя погубиль. Не стану больше докучать вамъ описаніемъ постылой жизни Марка Павлыча: а доскажу вамъ только замѣчательную исторію его новаго дома.

«Маркъ получалъ небольшую пенсію, безъ которой умеръ бы съ голоду въ домѣ тещи и жены, и которая иногда, подъ конецъ трети, служила хотя небольшой острastкой для сожительницъ его: тогда онъ, обыкновенно, дѣлались посговорчивѣе и поснисходительнѣе; а успѣвъ отобрать отъ него въ началѣ трети деньги, онъ каждый разъ снова начинали неистовства свои, требуя еще болѣе и не довольствуясь тѣмъ, что получали. Проживъ такимъ-образомъ лѣтъ десятокъ, Маркъ Павлычъ, наконецъ, отчасти, можетъ-быть, и по моему совѣту, рѣшился обзавестись своей собственной хижинкой, чтобы не быть въ этой рабской зависимости, и жить пенсіей, которая по-крайней-мѣрѣ обеспечивала ему кусокъ хлѣба. Съ этимъ намѣреніемъ онъ вытащилъ изъ-подъ спуда нѣсколько сотъ рублей, которые скопилъ, и началъ строго откладывать каждую треть частицу пенсіи, закупая при случаѣ дешевые строительные припасы и складывая изъ на взятомъ отъ города пустырѣ. Марко Павлычъ, создавъ планъ свой въ головѣ и предоставивъ фасадъ судьбѣ и плотникамъ,

въ годъ со днемъ срубилъ избу. Что ему доставалось на это самовольство — вы себѣ можете представить; но рѣшившись однажды, онъ бабамъ своимъ показаль зубы, молчаль и продолжаль свое. Теща плакала навзрыдъ неутѣшно о томъ особенно, что домъ строился, по разнымъ соображеніямъ ея, на несчастномъ мѣстѣ и, между-прочимъ, поставленъ быль самою срединой своею тамъ, куда нѣкогда капало съ кровли, когда, еще за память старыхъ людей, тутъ стояла какая-то избенка. Отъ этого, по твердому убѣжденію Крюкиной, нельзя было ожидать добра, и зятёкъ ея, какъ божилась она всѣмъ сосѣдямъ, строилъ бѣду на свою голову и на гибель всего семейства.

«Между-тѣмъ, постройка все подвигалась, домишко быль вчернѣ конченъ, накать и полы настланы, кровля покрыта, и новая, опрятная наружность его начинала уже смирять нѣсколько Крюкину; она даже не разъ начинала поговаривать зятю, разумѣется, съ нѣжностью, со слезами: «Ну, что жь, Маркъ Павлычъ, власть Господня; домъ, такъ домъ — да

вѣдь мы всѣ подъ Богомъ ходимъ: ты завтра помрешь — моей—то бѣдной головушкѣ что дѣлать тогда придется? Машенькѣ—то моей что достанется? а? хоть бы ты записаль домъ—эть на ея имячко — ась? Вѣдь она жена твоя, да ребро твое... охъ—охо! погубиль ты у меня Машурку—то, ей—Богу! утопила я ее за твоей безсчастною головою!

«Но въ одно лѣтнее утро, когда эта вѣдьма ходила любоваться втихомолку новымъ домомъ своимъ — а она уже считала его своимъ — она воротилась домой съ такимъ неистовыемъ ревомъ, что и самъ Маркъ Павлычъ, довольно—попривыкшій уже къ подобнымъ явленіямъ, испугался на смерть. Дочь, не спрашивая, что стало, принялась вторить матери, растворивъ, для простора, окна. — Что же случилось? —

«Да въ новый домъ, въ которомъ окна еще не были вставлены, влетѣль пчелиный рой и привисъ грозомъ къ потолку». Это означало такое бѣдствіе, такое несчастіе, котораго невозможно было ни отплакать, ни отмолить. И все это она знала и говорила напередъ, когда только увидѣла, что домъ

поставленъ быль на несчастномъ мѣстѣ, на капили — да ее не послушались; теперь всѣ они погибнутъ.

«Кончилось тѣмъ, что новый домъ быль брошенъ, а теперь, какъ вы видѣли, уже разрушается. Маркъ Павлычъ осунулся и опустился окончательно, подпалъ вовсе власти своихъ вѣдьмъ, прозябалъ нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ съ ними въ старой, сгнившей избенкѣ, которая поросла грибами и плесенью по всѣмъ угламъ, и вотъ, къ общему удовольствію всѣхъ человѣколюбивыхъ жителей нашего городка, на прошлой недѣлѣ отдалъ Богу душу. Миръ его праху! Теперь Крюкина съ дочерью служатъ по немъ панихиды и оплакиваютъ, ревучи день—деньской на весь кварталъ.»

В.ДАЛЬ